

УДК 343.985

DOI: 10.34670/AR.2025.51.59.016

Следы инсценировки: криминалистическая оценка и тактика обнаружения при расследовании убийств

Ибрагим Лума Аднан Ибрагим

Аспирант,
кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: luma19604@gmail.com

Кучерков Иван Александрович

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: 19kucherkov77@mail.ru

Аннотация

Исследование посвящено проблеме инсценировок при расследовании убийств, которые рассматриваются не как простые способы сокрытия, а как сложный криминалистический феномен, основанный на формировании альтернативной версии события и воздействии на процессуальное мышление следователя. Цель статьи заключается в выявлении криминалистического значения следов инсценировки и разработке тактических подходов к их обнаружению. Методологическую основу составили системно-структурный и междисциплинарный подходы, включающие использование данных судебной медицины, трасологии, биологии и психологии. Эмпирическую базу образовал анализ приговоров российских судов, в которых были зафиксированы различные модели инсценировок убийств. Применялись методы криминалистической реконструкции, интерпретации негативных обстоятельств и сопоставления данных экспертиз с показаниями обвиняемых. В результате проведена классификация следов инсценировки по их материальной и идеальной природе, стадиям образования и функциональной направленности. На основе судебной практики выделены типовые модели инсценировок: имитация самоубийства, инсценировка разбойного нападения, инсценировка ограбления, инсценировка несчастного случая и инсценировка самообороны. Показано, что негативные обстоятельства – несоответствие положения тела предполагаемому способу смерти, искусственный характер беспорядка в жилище, дисбаланс между показаниями и результатами экспертиз – выполняют не только диагностическую, но и методологическую функцию, позволяя деконструировать искусственную картину преступления. В обсуждении подчёркивается новизна подхода, заключающаяся в трактовке инсценировки как формы информационного противоборства и когнитивного воздействия. Практическая значимость исследования проявляется в

формировании тактических приёмов фиксации и интерпретации инсценировочных следов, а также в перспективе интеграции когнитивных методов в криминалистическую практику.

Для цитирования в научных исследованиях

Ибрагим Л.А.И., Кучерков И.А. Следы инсценировки: криминалистическая оценка и тактика обнаружения при расследовании убийств // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 8А. С. 112-120. DOI: 10.34670/AR.2025.51.59.016

Ключевые слова

Инсценировка, негативные обстоятельства, криминалистическая реконструкция, тактика расследования, убийство, когнитивное воздействие.

Введение

Проблема инсценировки преступлений при расследовании убийств имеет устойчивое значение для криминалистики. Инсценировка выступает особой формой противодействия правосудию, заключающейся в создании искусственной картины события с целью дезориентировать органы предварительного расследования [Неуструева, Маринина, 2025]. В отличие от простого сокрытия, инсценировка предполагает активное воздействие на следовую картину: преступник не только устраняет следы, но и конструирует ложные, тем самым стремясь навязать следователю ошибочную версию.

В современной судебно-следственной практике наблюдается разнообразие способов инсценировок убийств. При этом инсценировка может быть как тщательно подготовленной и продуманной заранее, так и импульсивной, предпринятой уже после совершения преступления [Дорошенко, 2018]. В ряде случаев инсценировка обнаруживается благодаря так называемым негативным обстоятельствам – признакам, которые не согласуются с типичной картиной события или противоречат логике объяснения, предлагаемой подозреваемым [Кокорев, 2024]. При этом сама по себе фиксация следов инсценировки не гарантирует успешного изобличения преступника. Необходима комплексная криминалистическая оценка: сопоставление материальных и идеальных следов, привлечение данных судебной медицины, трасологии, психологии. Только междисциплинарный анализ позволяет вскрыть искусственную природу инсценировки и восстановить реальную картину события.

Таким образом, актуальность статьи обусловлена необходимостью системного изучения следов инсценировки как особого криминалистического феномена. Отсутствие чёткой методики их оценки ведёт к затягиванию расследования и риску вынесения ошибочных процессуальных решений.

Цель исследования заключается в выявлении криминалистического значения следов инсценировки при расследовании убийств и разработке тактических приёмов их обнаружения. Для достижения этой цели ставятся задачи: проанализировать типовые модели инсценировок, выделить их криминалистические признаки, предложить алгоритм оценки и тактики фиксации.

Материалы и методы

Исследование основано на сочетании общенаучных и специальных криминалистических методов, позволяющих выявить закономерности инсценировок убийств и оценить их следовую картину.

В качестве методологической основы использован системно-структурный подход, предполагающий анализ инсценировки не как изолированного приёма преступника, а как элемента целостной модели преступного поведения. В этой модели инсценировка проявляется на разных стадиях – подготовке, непосредственном совершении и сокрытии убийства. Такой подход позволил выявить взаимосвязи между целями инсценировки, способом её реализации и характером оставленных следов.

Для реконструкции механизма инсценировок применялся метод криминалистического анализа негативных обстоятельств. Под этим понимается выявление противоречий между реальной следовой информацией и искусственно созданной картиной события. Данный метод опирается на традиционные приёмы осмотра места происшествия, сопоставление объективных данных и субъективных объяснений, анализ «следов отсутствия».

Особое внимание уделялось междисциплинарному подходу, предполагающему использование данных судебной медицины, трасологии, биологии, а также психологии.

Эмпирическую основу исследования составил анализ уголовных дел, завершившихся вынесением судебных приговоров. При этом использовались приёмы криминалистической реконструкции: восстановление последовательности действий преступника на основе следов, фиксация логических разрывов, сопоставление данных экспертиз с показаниями обвиняемых.

Результаты

Криминалистическая оценка инсценировок невозможна без систематизации тех следов, которые они оставляют. Разнообразие форм и способов инсценировок делает задачу классификации особенно сложной: одни из них строятся на создании искусственных объектов, другие – на разрушении или сокрытии реальных следов, третьи – на сочетании обоих приёмов.

Материальные следы инсценировки проявляются в изменении обстановки места происшествия и могут быть зафиксированы с помощью традиционных следственных действий [Александров, Комаров, Кустов, 2020, с. 30]. К их числу относятся подброшенные или перемещённые предметы, посмертные повреждения, наносимые жертве для создания видимости самоубийства, искусственно вызванный беспорядок в квартире, выдаваемый за следы ограбления. При внимательном анализе именно эти элементы чаще всего выдают искусственность ситуации: расположение тела не соответствует механике предполагаемой смерти, распределение крови не согласуется с заявленным способом нападения, а следы «взлома» не имеют объективного происхождения [Рывкин, Костяев, 2019, с. 15].

Наряду с материальными следами инсценировка формирует и следы иного рода – идеальные. Они существуют в виде ложных показаний, вымышленных деталей, противоречивых версий, навязываемых следователю [Хараев, Мартыненко, 2021]. В процессе допросов преступник стремится поддержать созданную им картину, однако чрезмерная детализация несущественных обстоятельств, несогласованность словесных описаний с результатами экспертиз или попытка навязчиво закрепить одну версию нередко указывают на её фиктивность. В результате инсценировка проявляется не только в физической среде, но и в коммуникативном поведении, которое также оставляет диагностически значимые следы.

На подготовительном этапе инсценировка может выражаться в создании условий для будущего «несчастливого случая»: повреждённые конструкции, заранее подготовленные предметы, фальшивые предсмертные записки. На стадии непосредственного совершения убийства инсценировка переплетается с самим механизмом преступления: дополнительные

удары наносятся для имитации борьбы, жертве подбрасывается оружие, формирующее ложное впечатление о самообороне. На стадии сокрытия инсценировка приобретает наиболее отчётливые формы: вещи намеренно разбрасываются, ценности выносятся из квартиры для подтверждения версии о разбойном нападении, тело перемещается в место, более удобное для конструирования ложного сценария [Грибунов, Унжакова, 2019, с. 44].

Функциональное назначение инсценировочных следов также подлежит учёту. Иногда они выполняют отвлекающую роль, создавая ложные ориентиры для следствия; иногда – маскирующую, направленную на сокрытие истинного механизма преступления; в ряде случаев обе функции соединяются, формируя сложные комбинации, характерные для организованных убийств по найму. Особое значение в этой связи приобретают так называемые негативные обстоятельства – несоответствия между логикой предполагаемого события и реальными данными. Отсутствие крови при характере ранений, предполагающем обильное кровотечение, отсутствие следов сопротивления у жертвы при очевидных признаках борьбы или, напротив, появление в обстановке посторонних предметов, не имеющих рационального объяснения, становятся важнейшими индикаторами инсценировки [Кобелев, Хамидуллин, 2025, с. 77].

Разнообразие следов инсценировки предполагает выделение устойчивых моделей, отражающих наиболее характерные приёмы преступников. Эти модели формируются на основе анализа судебной практики и обобщения криминалистических наблюдений. Их систематизация позволяет не только упорядочить эмпирический материал, но и определить алгоритмы выявления инсценировок при расследовании убийств.

Наиболее распространённой моделью является инсценировка самоубийства. Она может выражаться в создании видимости повешения, отравления или нанесения телесных повреждений, якобы совершённых самим потерпевшим. Отличительным признаком такой инсценировки является использование посмертных повреждений, которые накладываются уже после лишения жизни, а также создание условий, формирующих иллюзию добровольного ухода из жизни. В практике нередки ситуации, когда преступник помещает тело в положение, не соответствующее механике самоубийства, либо использует орудие, оставляющее следы, невозможные при самостоятельных действиях жертвы.

Так, согласно обвинительному приговору Райчихинского городского суда Амурской области от 13 февраля 2020 г. по делу № 1-18/2020 [Приговор Райчихинского городского суда Амурской области № 1-18/2020 от 13 февраля 2020 г. по делу № 1-18/2020], подсудимый, находясь в состоянии алкогольного опьянения, утопил потерпевшего в ванне, после чего предпринял попытку инсценировать самоубийство. Для этого он нанёс посмертные повреждения ножом, перерезав запястье жертвы, а затем завернул тело в одеяло, связал верёвкой и вывез за пределы населённого пункта, где спрятал под снегом. Дальнейшие действия, включавшие перепрятывание трупа, также были направлены на затруднение установления истинных обстоятельств. В криминалистическом отношении этот случай показывает особенности инсценировки суицида: искусственное создание следов, якобы подтверждающих добровольный уход из жизни, и последующее перемещение тела, призванное запутать следствие. Выявление несоответствий в локализации повреждений и отсутствие условий для совершения реального самоубийства стали ключевыми негативными обстоятельствами, позволившими разоблачить инсценировку.

Для следователя в таких ситуациях ключевым становится выявление негативных обстоятельств: отсутствие предсмертной записки при явно имитированных условиях суицида, несоответствие характера ранений предполагаемому способу причинения смерти, а также

противоречия в показаниях обвиняемого и объективных данных судебно-медицинской экспертизы.

Другая устойчивая модель связана с инсценировкой разбойного нападения. В подобных случаях убийство маскируется под корыстное преступление: преступник намеренно выносит имущество, разбрасывает вещи в помещении, оставляет видимость взлома. Важнейшей особенностью этой модели является то, что корыстный мотив используется как ложное объяснение истинных причин убийства. Организаторы убийства по найму часто включают инсценировку ограбления в сам преступный план, рассчитывая, что следствие сосредоточится на поиске лиц, заинтересованных исключительно в материальной выгоде. Однако тщательный анализ показывает, что инсценированное ограбление редко выдерживает проверку деталями: характер беспорядка оказывается неестественным, имущество изымается выборочно, следы взлома не подтверждают реального проникновения.

Например, в рамках разбирательства уголовного дела Подольским городским судом Московской области от 20 февраля 2020 г. по делу № 1-75/2020 [Приговор Подольского городского суда Московской области № 1-75/2020 от 20 февраля 2020 г. по делу № 1-75/2020] было установлено, что организаторы убийства, действуя из корыстных побуждений, поручили исполнителю не только лишить жертву жизни, но и обязательно похитить её имущество. Похищение вещей должно было сформировать ложную версию о мотивах преступления и отвести внимание от истинных заказчиков. Здесь инсценировка была не импульсивной реакцией, а изначально предусмотренной частью преступного плана. Особенностью этой модели является системность: преступники задолго до реализации замысла встраивают инсценировку в общий сценарий, рассчитывая на её убедительность. Однако анализ характера похищенных предметов, обстоятельств нападения и показаний обвиняемого вскрыл искусственность «разбойной» версии, позволив следствию выйти на реальных заказчиков убийства.

Третью группу составляют инсценировки несчастного случая. Здесь преступник стремится создать впечатление, что смерть наступила в результате стечения обстоятельств: падения с высоты, отравления бытовыми веществами, дорожно-транспортного происшествия. Признаки такой инсценировки выявляются благодаря несоответствию между травмами и предполагаемым механизмом их образования, отсутствию типичных следов борьбы за жизнь или несогласованности временных характеристик события.

Например, Кировским районным судом г. Казани от 5 июля 2020 г. по делу № 1-155/2020 [Приговор Кировского районного суда г. Казани № 1-155/2020 от 5 июля 2020 г. по делу № 1-155/2020] было установлено, что подсудимая, нанеся множественные удары утюгом своей престарелой соседке, предприняла попытку скрыть истинный мотив нападения. Для этого она разбросала вещи по квартире, инсценировав картину ограбления, и закрыла дверь ключами потерпевшей. В отличие от предыдущих случаев, инсценировка имела импульсивный характер: она возникла уже после нападения и носила примитивный характер. Однако даже такая попытка оставила диагностически значимые следы. Хаотичность разброса вещей, противоречие между тяжестью повреждений и предполагаемым корыстным мотивом, а главное – показания самой потерпевшей, которая выжила, – позволили следствию установить искусственность инсценированной картины.

Особое место занимает инсценировка самообороны либо аффекта. В этих случаях убийца пытается представить произошедшее как вынужденную реакцию на агрессивные действия потерпевшего. Следы инсценировки выражаются в искусственном создании повреждений на

одежде, нанесении себе лёгких ран, расстановке предметов так, чтобы они свидетельствовали о нападении жертвы [Дубягин, Дубягина, Вилков, 2023, с. 51]. Однако анализ реального расположения телесных повреждений, траектории ударов и динамики конфликта позволяет установить искусственность такой версии.

Необходимо выделить и комбинированные инсценировки, в которых соединяются сразу несколько моделей. Так, убийство может маскироваться одновременно под ограбление и самоубийство: из квартиры похищаются ценности, а на теле наносятся повреждения, имитирующие попытку лишить себя жизни [Кустов, Левченко, 2020, с. 98]. В сложных случаях подобные комбинации планируются организованными преступными группами, стремящимися максимально запутать следствие и лишить его возможности быстро выдвинуть обоснованную версию. При расследовании убийств с инсценировкой центральное значение приобретают так называемые негативные обстоятельства – признаки, которые противоречат естественному ходу событий и создают разрыв между внешне наблюдаемой картиной и предполагаемым механизмом преступления.

Первым типичным проявлением может быть несоответствие положения тела предполагаемому способу смерти. Например, при имитации самоубийства характер расположения трупа может не согласовываться с механизмом причинения повреждений: поза тела оказывается физиологически невозможной, траектория повреждений не совпадает с предполагаемым направлением движений. Подобное несоответствие указывает на то, что смерть могла быть насильственной, а обнаруженные повреждения нанесены уже после наступления смерти.

В ситуации инсценировки ограбления в обстановке жилища могут появляться признаки, которые не вписываются в модель реального хищения: вещи разбросаны хаотично, при этом ценные предметы остаются нетронутыми, отсутствуют следы взлома или иного способа проникновения. Подобная искусственность беспорядка демонстрирует, что целью действий было не завладение имуществом, а формирование ложного представления о мотивах преступления. Особое место занимают негативные обстоятельства, связанные с несогласованностью между показаниями и результатами экспертных исследований. Подозреваемый может утверждать, что действия носили оборонительный характер либо были направлены на хищение имущества, однако данные судебно-медицинской, трасологической или биологической экспертиз могут указывать на иную последовательность событий. Например, характер повреждений может не соответствовать версии о самообороне, а следы на месте происшествия – картине корыстного преступления. Такая несогласованность выявляет искусственность предложенной версии и фиксирует границы инсценировки.

Обсуждение

Выявленные результаты позволяют по-новому взглянуть на криминалистическую природу инсценировок. Если в традиционном понимании они рассматривались преимущественно как разновидность сокрытия преступления, то анализ судебной практики показывает: инсценировка представляет собой более сложное явление, которое следует квалифицировать как активное моделирование альтернативной процессуальной реальности. Преступник не просто устраняет неудобные следы, а выстраивает собственную версию событий, конкурирующую с версией следствия.

Эта конкуренция имеет системный характер. Инсценировка становится своеобразной формой «соревновательного взаимодействия», где сторона преступника стремится навязать

свою интерпретацию фактов, используя искажение материальных следов и конструирование ложных идеальных. С точки зрения криминалистической теории это означает, что инсценировка должна изучаться не только в категории противодействия, но и в категории информационного конфликта, где борьба ведётся за управление смысловыми полями расследования.

Несоответствие положения тела предполагаемому способу смерти или искусственный характер беспорядка в жилище не просто указывают на ложность инсценировки, но и формируют точки входа в альтернативную реконструкцию событий. В этом заключается их методологическое значение: негативные обстоятельства выступают не только диагностическим признаком инсценировки, но и инструментом деконструкции навязанной версии. Особое внимание заслуживает несоответствие между показаниями и результатами экспертиз. Обыкновенно подобные противоречия интерпретируются как стандартный индикатор лжи. Однако в контексте инсценировок они приобретают новое значение: речь идёт о системной несогласованности разных уровней следовой информации, что требует специальной методики сопоставления. Предлагается рассматривать такие несоответствия не как случайные, а как закономерные элементы инсценировочной стратегии, встроенные в модель преступного поведения.

По мнению автора, инсценировка должна рассматриваться через призму когнитивных стратегий преступника. Создавая ложную картину, он пытается предугадать восприятие следователя и воздействовать на его процессуальное мышление. Это позволяет трактовать инсценировку как форму когнитивного воздействия, а не только как манипуляцию обстановкой. Для криминалистики подобное смещение акцента открывает возможность интеграции методов судебной психологии и когнитивной криминалистики в тактику расследования.

Заключение

Инсценировка при расследовании убийств является не только приёмом сокрытия, но и сложным криминалистическим феноменом, требующим переосмысления в категориях информационного противоборства. Преступник формирует альтернативную версию событий, которая соперничает с процессуальной реконструкцией следствия. В этой связи следы инсценировки приобретают особое значение: они одновременно направлены на искажение картины преступления и служат источником сведений о его истинном механизме.

Классификация следов инсценировки, основанная на разграничении материальных и идеальных проявлений, стадий их образования и функциональной направленности, позволяет систематизировать разнообразный эмпирический материал. Анализ судебной практики подтвердил существование типовых моделей инсценировок – имитации самоубийства, разбойного нападения, ограбления, несчастного случая и самообороны, а также их комбинированных форм. Негативные обстоятельства предложено трактовать не только как диагностические признаки, но и как методологические точки деконструкции инсценировки. Они позволяют разрушить искусственно созданную версию и восстановить подлинный механизм преступления. Кроме того, введено понятие инсценировки как формы когнитивного воздействия на следователя, что открывает перспективу интеграции психологических и когнитивных методов в криминалистическую практику.

Таким образом, результаты исследования подтверждают необходимость рассматривать инсценировку как самостоятельный объект криминалистического анализа. Её изучение не должно ограничиваться описанием отдельных приёмов, но требует разработки методик интерпретации негативных обстоятельств и учёта когнитивных стратегий преступника.

Библиография

1. Александров И. В., Комаров И. М., Кустов А. М. Основы расследования умышленных убийств. М.: Юрлитинформ, 2020. 224 с.
2. Грибунов О. П., Унжакова С. В. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2019. 132 с.
3. Дорошенко О. И. Выявление признаков криминальных инсценировок на стадии возбуждения уголовного дела // Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития: сб. ст. по результатам круглого стола / под ред. В. Ю. Голубовского. М.: Дашков и К, 2018. С. 34–39.
4. Дубягин Ю. П., Дубягина О. П., Вилков В. А. Актуальные вопросы методики расследования убийств. М.: Юрлитинформ, 2023. 152 с.
5. Кобелев Ю. Г., Хамидуллин Р. С. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия при обнаружении трупа. М.: Знание-М, 2025. 100 с.
6. Кокорев Р. А. Особенности криминалистической характеристики убийств, совершенных на бытовой почве // Право, общество, государство: системные основы взаимодействия и развития: сб. ст. научно-представительских мероприятий. М.: ИП Колупаева Е. В., 2024. С. 258–262.
7. Кустов А. М., Левченко О. П. Расследование убийств: криминалистическая теория и практика. М.: Проспект, 2020. 240 с.
8. Неуструева А. Н., Маринина В. Н. Понятие и сущность криминалистической инсценировки // Научный лидер. 2025. № 5(206). С. 175–177.
9. Рывкин С. Ю., Костяев В. А. Доктринальные положения процессуальных, поисково-познавательных, тактических действий при расследовании убийств, совершенных организованными группами. Волгоград: Сфера, 2019. 86 с.
10. Хараев А. А., Мартыненко О. В. Криминалистическая характеристика убийств // Журнал прикладных исследований. 2021. № 3-3. С. 95–100.

Traces of Staging: Forensic Assessment and Detection Tactics in Homicide Investigations

Ibrahim Luma Adnan Ibrahim

Graduate Student,
Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: luma19604@gmail.com

Ivan A. Kucherkov

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 19kucherkov77@mail.ru

Abstract

The study addresses the problem of staging in homicide investigations, viewing it not merely as a method of concealment but as a complex forensic phenomenon based on constructing an alternative version of events and influencing the investigator's procedural thinking. The purpose of the article is to identify the forensic significance of staging traces and develop tactical approaches for their detection. The methodological framework includes systemic-structural and

interdisciplinary approaches, incorporating data from forensic medicine, traceology, biology, and psychology. The empirical basis consists of an analysis of Russian court verdicts documenting various models of homicide staging. Methods of forensic reconstruction, interpretation of negative circumstances, and comparison of expert findings with defendants' testimonies were applied. As a result, a classification of staging traces has been developed based on their material and ideal nature, stages of formation, and functional orientation. Based on judicial practice, typical models of staging have been identified: simulated suicide, staged robbery, staged theft, staged accident, and staged self-defense. It is shown that negative circumstances—such as inconsistencies between body position and the alleged cause of death, artificial disorder at the scene, and discrepancies between testimonies and expert findings—serve not only a diagnostic but also a methodological function, enabling the deconstruction of the artificial crime scene. The discussion emphasizes the novelty of the approach, which interprets staging as a form of information confrontation and cognitive influence. The practical significance of the study lies in the development of tactical methods for recording and interpreting staging traces, as well as the potential integration of cognitive methods into forensic practice.

For citation

Ibrahim L.A.I., Kucherkov I.A. (2025) Sledy instsenirovki: kriminalisticheskaya otsenka i taktika obnaruzheniya pri rassledovanii ubiystv [Traces of Staging: Forensic Assessment and Detection Tactics in Homicide Investigations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (8A), pp. 112-120. DOI: 10.34670/AR.2025.51.59.016

Keywords

Staging, negative circumstances, forensic reconstruction, investigation tactics, homicide, cognitive influence.

Reference

1. Alexandrov, I. V., Komarov, I. M., & Kustov, A. M. Fundamentals of the Investigation of Intentional Homicides: Scientific and Practical Guide. Moscow: Yurlitinform, 2020. 224 p.
2. Gribunov, O. P., & Unzhakova, S. V. Counteraction to Crime Investigation and Measures to Overcome It. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. 132 p.
3. Doroshenko, O. I. Identification of Signs of Criminal Staging at the Stage of Initiating a Criminal Case. In: Golubovsky, V. Yu. (Ed.), The Crime Prevention System: Current State, Problems and Prospects of Development. Collection of Articles from the Round Table. Moscow: Dashkov & Co, 2018, pp. 34–39.
4. Dubyagin, Yu. P., Dubyagina, O. P., & Vilkov, V. A. Topical Issues of Homicide Investigation Methods. Moscow: Yurlitinform, 2023. 152 p.
5. Kobelev, Yu. G., & Khamidullin, R. S. Forensic Support of Crime Scene Examination in Cases Involving a Corpse: Study Guide. Moscow: Znanie-M, 2025. 100 p.
6. Kokorev, R. A. Specific Features of the Forensic Characteristics of Domestic Homicides. In: Law, Society, State: System Foundations of Interaction and Development. Collection of Scientific and Representative Events. Moscow: IP Kolupaeva E. V., 2024, pp. 258–262.
7. Kustov, A. M., & Levchenko, O. P. Investigation of Homicides: Forensic Theory and Practice. Moscow: Prospekt, 2020. 240 p.
8. Neustrueva, A. N., & Marinina, V. N. The Concept and Essence of Forensic Staging. *Nauchnyi Lider*, 2025, no. 5(206), pp. 175–177.
9. Ryvkin, S. Yu., & Kostyaev, V. A. Doctrinal Provisions of Procedural, Search-Cognitive and Tactical Actions in the Investigation of Murders Committed by Organized Groups. Volgograd: Sfera, 2019. 86 p.
10. Kharaev, A. A., & Martynenko, O. V. Forensic Characteristics of Homicides. *Journal of Applied Research*, 2021, no. 3-3, pp. 95–100.